

Надеюсь умереть “голодным”

Михаил АРКАДЬЕВ известен в музыкальном мире прежде всего как партнер Дмитрия Хворостовского, немногие меломаны знают Аркадьева-солиста. А он, кроме того, пишет музыку, преподает (доцент кафедры фортепиано Академии хорового искусства), всерьез занимается философией, музыковедением. И вдобавок еще является членом Международного общества изучения Времени (его работа “Креативное время, “археписьмо” и опыт Ничто” опубликована в журнале “Логос”) и почетным членом Московского общества историков архитектуры. Его сочинения и фортепианные записи выходят на компакт-дисках, а в 1992 году увидела свет книга Михаила Аркадьева “Временные структуры новейшей европейской музыки”. Известный музыковед Лео Мазель назвал ее “поистине выдающимся, глубоко новаторским трудом”. Поразительное разнообразие интересов. Впрочем, сам Аркадьев не видит в этом ничего необыкновенного.

— Это только на первый взгляд кажется, что вещи, которыми я занимаюсь, далеки друг от друга: для меня они давно существуют как единая форма творчества. И мне вовсе не приходится все время быть в чрезмерном напряжении. Как все нормальные люди, я люблю отдыхать, умею и люблю лениться. Но у меня нет, как это часто бывает у творческих людей, каких-то чрезмерных страстей, которые совсем съедают целые куски жизни. Проблема как раз в другом. К своим сорока годам я так много поработал над собой, что, мне кажется, мог бы рассчитывать на гораздо большую степень восприимчивости.

— Наверное, это относится и к вашей карьере пианиста. Насколько мне известно, ваши выступления в Западной Германии в 1989 году прошли с большим успехом. Был триумфальный сольный концерт в Берлинской филармонии, блестящие концерты в Вене с БСО под управлением Владимира Федосеева.

— Мои выступления тогда не получили должного резонанса в

прессе, поскольку она не была заранее подготовлена. Современная критика, особенно западная, — это люди зачастую маломыслительные. Кстати, их некомпетентность испытывают на себе и такие звезды, как Хворостовский. За все время нашего общения только в двух-трех статьях, причем уже пожилых критиков, его исполнение оценивалось с собственно музыкантских позиций. Все остальное — это были разговорчики вокруг да около, игра — полусветская, полуснобистская, часто просто игра партий.

— Хворостовский и вы — серьезные, глубокие музыканты, каждый со своими вкусами, пристрастиями. Не сложно ли вам вместе, вы никогда не мешаете друг другу?

— Многие наши звезды считают, что пианист должен работать для них и под них, — этого у нас с Хворостовским не было никогда. Первые четыре года у нас вообще было своеобразное бессознательное соперничество, что, конечно, ставило под удар наш альянс. Дима благодаря своему темпераменту и мастерству выдерживал мою ко-

лоссальную сольную энергию, но в конце концов это стало опасно. Вдруг, буквально в одночасье, мы нашли необходимый баланс: я понял, как надо играть, чтобы Диме было удобно, при этом не поступаясь тем, что я хочу сам.

— Вы любите преподавать, причем давно, еще со студенческих лет. Но ваши собственные занятия музыкой протекали отнюдь не по традиционной схеме: вы миновали самую начальную стадию обучения и в юном возрасте, когда происходит формирование исполнительского аппарата, были лишены постоянного педагога. Мне кажется, что такое нестандартное начало вполне могло бы отпугнуть вас от педагогики.

— Нисколько, как раз наоборот! И вы сейчас поймете почему. Профессионально осваивать рояль я начал в 13 лет. До этого у меня просто не было возможности. Когда мне купили фортепиано, я стал импровизировать: буквально вгрызался в инструмент, открывал сам целые пласты фактуры, которые уже потом встречал у Листа, Шопена, Шуберта. В итоге, поступая в Мерзляковку, я знал все, буквально от Палестрины до Пендеревки. Но были у меня, конечно, и проблемы. Например, мне пришлось уйти из класса профессора Якова Исааковича Мильштейна к гораздо менее известному, но замечательному педагогу Александру Ильичу Соболеву. Мильштейн подерживал все мои творческие начинания, но совершенно не занимался собственно моим обучением. А вот Соболев, хоть и относился ко мне настороженно — уж слишком велика была моя исполнительская гордость, — занимался со мной самоотверженно, и именно благодаря ему я впервые по-настоящему почувствовал рояль. Вообще, мне повезло с педагогами:

вторым человеком, сыгравшим огромную роль в моей жизни, был профессор Александр Александрович Александров — у него я учился в Институте им. Гнесиных. Мне очень долгое время пришлось утверждать себя как профессионала. Я через многое прошел, многое знаю “изнутри”. Поэтому я и могу научить многому: не только какому-то техническим вещам, но и главному — связи с текстом.

— Само собой разумеется, хотелось бы узнать ваши планы.

— Наш творческий союз с Дмитрием Хворостовским в этом сезоне обещает быть особенно плодотворным: у нас много выступлений, в том числе в Америке и в России. Продолжает свою работу фестиваль камерной музыки “Русские вечера” в Германии, музыкальным директором которого я являюсь. В нем принимали участие Александр Рудин, Алексей Мартынов, Александр Ивашкин, Марк Любоцкий. В этом сезоне планирую сыграть квинтетную программу с ансамблем солистов БСО имени Чайковского, выступить с певицей Татьяной Куинджи (мы готовим интересную программу, в которой прозвучат сочинения Цимлинского, Бриттена, Прокофьева и мои), сыграю в Малом зале фортепианную музыку Свиридова, в том числе его замечательную Партиту, которая очень редко исполняется. Ну а самые ближайшие мои выступления состоятся в театре “Геликон-опера”: я несколько раз продирижирую “Кармен”. В качестве дирижера я сейчас сотрудничаю с Пермским оперным театром, есть предложения из Красноярска. Так что планов много. Знаете, больше всего я боюсь бездействия, “творческого простоя”, а потому надеюсь умереть “голодным”.

Беседу вела
Анна ВЕТХОВА